

По сравнению с другими прапорщиками в четвёртом батальоне Ливенцев считался более опытным, однако и ему не приходилось никогда ночью, с трудом, шаг за шагом, пробираться по кочковатой долине, где местами хлюпала под ногами грязь, вести роту.

Сзади у воды, урчали лягушки, спереди, в хлебах, били перепела, но противник молчал; однако молчание это могло в любой момент разорваться сверху донизу очередями пулемётов и частым огнём винтовок, а то и лёгких орудий.

Впереди, конечно, шли патрули, но Ливенцев опасался, что они или преждевременно поднимут тревогу, или сознательно будут пропущены цепью противника вперёд.

Однако чем дальше от моста продвигалась рота, тем меньше становилось опасений у Ливенцева, и когда прошли, наконец долину реки и начали подниматься к хлебам, то совершенно твёрдо, как будто не свою только роту, а целый батальон он вёл, Ливенцев решил продвинуться настолько, чтобы сзади довольно осталось места для остальных рот.